

Пролог

Лондон, июль 1814 года

Бомонт Белхем, маркиз Беллингем, собирался на очередную вечеринку с друзьями. Единственный среди них непьющий, он всегда следил, чтобы никто не натворил ничего неподобающего, что случалось довольно часто. В его задачу также входило проследить, чтобы все добрались до дома в целостности и сохранности.

Друзья облюбовали столик на четверых в просторной нише таверны «Любопытный козел», и Беллингем выжидал момент, чтобы поделиться с ними одной идеей, хотя они скорее всего сочтут ее нелепой. Он как раз обдумывал, как лучше изложить свои соображения, чтобы всем было понятно, когда Кендалл поставил кружку на шершавую столешницу и объявил:

— Вот что, друзья: я решил жениться.

Белхем уставился на друга так, словно у того выросли рога, да и Уорт с Клейтоном явно опешили. Да уж, любопытно, к чему такая срочность.

Как обычно, Рис Шеффилд, герцог Уортингтон, первым обрел дар речи. Несмотря на пагубное влияние папаша, сумасброда и психопата, ныне покойного, Уортингтон не скатился по наклонной. Нет, Уортингтон не был монахом, но всегда умел вовремя остановиться, и хотя всячески демонстрировал наплевательское отношение к жизни, никто не сомневался, что если понадобится, он не раздумывая отдаст жизнь за страну.

В ответ на заявление Кендалла Уортингтон тряхнул головой, поморщился и с шумом втянул воздух:

— Ты серьезно? Неужели появилась необходимость ввязываться во что-то, столь... постоянное?

— Наверное, старею, — мелодраматично изрек Кендалл.

— В двадцать девять? Да мы еще неразумные щенки! — воскликнул Уортингтон. — Моему отцу было за пятьдесят, когда я родился.

Кендалл еще не привык к роли графа, поскольку получил титул после смерти от чахотки старшего брата, и относился к нему со всей возможной ответственностью: даже обратился в парламент с законопроектом о занятости, разработанным братом. Только если опять речь зашла о женитьбе, значит, у него провалы в памяти.

Беллингем решил, что пора вмешаться, и, прищурившись, спросил:

— Ты уверен, что готов? Прошло всего два года, с тех пор как...

Продолжать не имело смысла: зачем сыпать соль на сердечную рану, которая едва затянулась... В отличие от него самого и Уортингтона, который всегда проявлял сдержанность в отношениях с противоположным полом, Кендалл был слишком эмоциональным и ранимым. Когда невеста Кендалла, леди Эмили Форсуэл, бросила его прямо перед свадьбой, променяв на претендента с титулом, он был раздавлен, уничтожен.

Уортингтон зарекомендовал себя убежденным холостяком, а сам Беллингем считал, что семью ему заменяет работа в министерстве внутренних дел. Он даже попытался отказаться от титула, чтобы воевать солдатом против Франции, но в этой просьбе ему было отказано. Очевидно, монаршим особам маркизы были нужнее в родных пенатах, так что Беллингем смог применить свои таланты в другом месте: в министерстве внутренних дел он возглавлял отдел внешней разведки. Эта работа: выслеживать предателей — ему очень нравилась.

Эван Ферчайлд, виконт Клейтон, воскликнул, оторвав Белла от посторонних мыслей:

— Слава богу! Скоро я буду не единственным из нас, связанным по рукам и ногам узами супружества.

Клейтон женился совсем недавно и только что вернулся из путешествия, в котором провел медовый месяц. Виконт обожал свою жену, любил политику и науку (именно так, и не иначе). Богатый как Крез, Клейтон был настоящим другом и преданным супругом. Семейная жизнь явно пришлась ему по вкусу.

Беллингем безразлично отодвинул кружку, наполненную сомнительного вида пойлом, и обвел друзей взглядом.

Это были самые близкие люди. Познакомились они в Итоне, крепко сдружились и долгие годы не расставались. У каждого в этой мужской компании была своя роль — так сложилось.

Для Кендалла на первом месте всегда был долг. Годы службы на королевском флоте научили его ответственности, он всегда выполнял обещания, которые давал, и не боялся взваливать на свои плечи груз, для многих неподъемный. После предательства леди Эмили его совершенно не привлекала идея женитьбы.

Уортингтон обладал потрясающей способностью любую ситуацию свести к шутке: отпускал порой та-

кие замечания, что даже друзья не знали, куда глаза девать. Ему нравилось, чтобы его считали лоботрясом, но с герцогским титулом и немалым состоянием добиться этого было непросто. Он был абсолютно предан друзьям и до сих пор не простил леди Эмили предательства его лучшего друга.

Сам Беллингем даже не задумывался о женитьбе: было полно более важных дел. В данный момент, например, он выслеживал предателя, который едва не поставил под удар части британской армии на реке Бидасоа. Кто-то из членов парламента, знакомый с планами Веллингтона в Испании, поделился ими с противником, поставив тем самым под угрозу всю операцию.

Депешу, слава богу, удалось перехватить, и британская армия одержала при Бидасоа победу, но это не сделало сам акт предательства менее чудовищным. Для Беллингема поиск преступника и передача его властям для осуществления правосудия стали делом чести. Отсюда — и необычная идея, которая недавно пришла ему в голову и теперь постоянно напоминала о себе.

Пока же друзья обсуждали заявление Кендалла по поводу женитьбы.

— Я не шучу, — убежденно заявил Лукас. — Мне нужен наследник. Боюсь, все последнее время

у меня отнимал законопроект о занятости, и мне было не до поисков невесты.

— Да уж, этот законопроект сделал тебя одержимым, — усмехнулся Уортингтон.

Лукас пожал плечами.

— Ну, теперь, поскольку голосование отложили до осенней сессии, у меня есть время для сбора необходимых голосов и я могу серьезно заняться поисками подходящей кандидатуры на роль жены.

Беллингему вдруг пришла в голову еще одна сумасшедшая мысль, и он прищурился.

— Лично я никогда не проявлял интереса к работе парламента, — растягивая слова, проговорил Уортингтон. — Жалко времени. А все эти обсуждения... такая скука.

— Я совершенно уверен, что там справятся и без тебя, — устремив на друга насмешливый взгляд, заметил Беллингем.

— Когда настанет время голосовать за законопроект моего брата, — сказал Кендалл, — я лично приеду к тебе, Уорт, вытащу из постели и отвезу в парламент.

Беллингем и Клейтон расхохотались, а Уортингтон, одарив друзей самой очаровательной улыбкой из своего арсенала, заметил:

— Давайте не будем о грустном. Куда интереснее заявление друга Лукаса о намерении жениться. Поведай-ка нам, любезный, сколько тебе лет?

Кендалл окинул друга непонимающим взглядом и буркнул:

— Ровно столько же, сколько тебе, старина.

Все прекрасно понимали, что Уорт взялся за свое: все четверо были ровесниками с разницей в несколько месяцев.

— Вот именно! — объявил герцог, откинувшись на спинку стула. — Совсем еще мальчишка! К чему такая спешка?

— Ну-ну, я бы попросил... — вмешался Клейтон.

— Легко говорить, если не надо заботиться о наследовании титула, — усмехнулся Кендалл, и Уортингтон, пожав плечами, легко согласился:

— Не стану спорить.

Щелкнув пальцами, чтобы привлечь внимание официантки, он заказал еще по кружке эля для всех.

— Если ты говорил о женитьбе серьезно, то немного опоздал, — заметил Клейтон. — Сезон закончился, через неделю-две, когда парламент уйдет на каникулы, общество разъедется по своим загородным поместьям.

— Да я и не хотел заниматься поисками невесты в сезон, — признался Кендалл. — От одной мысли об

этом у меня мурашки бегут по коже. Всюду жеманные девицы и хищные мамыши, намеренные любой ценой заполучить богатых мужей для своих чад. Нет уж, увольте!

— А есть другой способ найти невесту? — спросил Беллингем и подумал, что его идея не столь уж и бредовая, если повернуть разговор в нужное русло.

— Пока не знаю. — Кендалл отпил эля. — Только на сей раз я твердо намерен найти девушку, которая будет любить меня, а не деньги и титул.

— И это правильно! — провозгласил Уортингтон и стукнул кулаком по столу. — Думаю, все со мной согласятся, что леди Эмили нет оправдания: какое вероломство! Лично для меня эта женщина больше не существует. Очень хотелось бы узнать, известно ли ей, что упустила графа, поспешив выйти за барона.

— Давайте не будем ее обсуждать, — раздраженно буркнул Кендалл и прикрыл глаза рукой.

Жизнерадостный Уортингтон не мог долго предаваться меланхолии, и, когда официантка принесла выпивку, одарил девушку очаровательной белозубой улыбкой и снова обратил внимание на друга:

— Я всего лишь хотел сказать, что сезон со всей его претенциозностью — последнее место, где можно найти преданную и верную спутницу жизни.

Кендалл отсалютовал другу кружкой:

— Разве я сказал не то же самое? Я вот уже два года избегаю сезонов как чумы.

— Ах вот почему тебя не затащишь в «Ол-макс»? — усмехнулся Уортингтон, всем своим видом источая сарказм. — А я-то думал, что всему виной жидкий чай и болтливые кумушки.

— Ну, ты-то не ходишь туда по другой причине, — усмехнулся Беллингем. — Там же не подают ничего крепче чая.

Уортингтон подмигнул ему:

— Не спорю. А еще там нельзя сорвать банк, как у Холлистера.

Этот игорный дом был любимым у герцога: там он проводил практически все свое свободное время, имел карт-бланш и регулярно то выигрывал, то проигрывал небольшие состояния.

Кендалл почесал подбородок и невидящим взглядом уставился в кружку.

— Если бы в обществе не знали, что теперь я граф, у меня было бы больше шансов найти достойную пару.

Рис расхохотался так, что обернулись другие посетители.

— Я бы многое дал, чтобы увидеть, как граф, переодетый простолюдином, чтобы найти истинную любовь, чистит конюшни или выгребные ямы.

Клейтон поддержал Шеффилда, а вот Беллингем вполне серьезно проговорил:

— А что, не такая уж безумная идея.

Наконец-то разговор сам собой перетек в нужное русло.

— Ты о чем? — уточнил Кендалл.

— О том, чтобы предстать в обличье простолюдина и попытаться найти невесту.

— Ты спятил, старина? — перестал веселиться Рис. — Или решил изменить своим принципам и выпил?

Беллингем подался вперед и совершенно серьезно заметил:

— В правильных обстоятельствах все может получиться.

Кендалл растерянно моргнул.

— Не понимаю, как это возможно.

— Да его в обществе знают в лицо, — заметил Клейтон. — Как он может измениться?